

УДК 811.512.1'366
DOI 10.17223/18137083/73/11

**Перспектив и проксиматив:
результаты и перспективы их исследования
в тюркских языках**

И. А. Невская

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается категория проксиматива (также обозначаемая как перспектив) с прототипическим значением *be going / about to do something* 'быть на грани совершения действия', выражающая предварительную, пороговую, фазу действия, когда уже видны признаки приближения самого действия или одной из его фаз. Далеко не во всех языках мира она имеет грамматические средства выражения. Перспектив и проксиматив не имеют также на данный момент всеми признанного определения в общей и типологической лингвистике. Мы рассматриваем терминологические системы, в которые включаются эти термины различными типологами, описываем историю изучения средств выражения фазы приближения действия грамматическими средствами тюркских языков, представляем их типологию, выделяем среди них акциональные и аспектуально-временные проксимативные подсистемы, обобщаем источники их грамматикализации и их ареальные изоглоссы, очерчиваем перспективы их дальнейшего исследования.

Ключевые слова

проксиматив, перспектив, будущее время, тюркские языки, грамматикализация, языковой ареал

Для цитирования

Невская И. А. Перспектив и проксиматив: результаты и перспективы их исследования в тюркских языках // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 158–172. DOI 10.17223/18137083/73/11

**Prospective and proximative:
results and perspectives of their research
in Turkic languages**

I. A. Nevskaya

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This paper describes the category of *proximative* (also called *prospective*), which is supposed to express the prototypical semantics *be going / about to do something* and refer to a prelimi-

© И. А. Невская, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

nary stage of action. Proximative means are extremely diverse and numerous in Turkic languages. All Turkic languages use various intentional forms and constructions to render proximative semantics under certain conditions, mostly with inanimate subjects or involuntary actions.

Oghuz Turkic seems to be the only branch that does not use proximative forms based on the infinitive or purpose converb of the lexical verb in combination with existential and positional auxiliary verbs. Only Oghuz Turkic seems to have a proximative form with the postposition *üzere* 'on'.

Both Azeri varieties show convergence with Persian (and other Iranian languages spoken in the Caucasus, and also with Aramaic). Kipchak Turkic languages spoken in Central Asia have an array of isoglosses in common with South Eastern Turkic in their proximative morphology. We can probably speak of a Central Asian linguistic area representing a Turkic dialect continuum that had existed there long before the formation of modern national states.

Within South Siberian Turkic, a very heterogeneous branch of Turkic, the North Altai varieties are closer to Shor and Khakas than to Southern Altai Turkic in many features, also including Proximative language encoding. Southern Altai Turkic, in its turn, shows a certain closeness to Tuvan in some proximative isoglosses, but also Kipchak languages of Central Asia in others. Tuvan is characterized by numerous Mongolian loans, also in the proximative sphere.

It appears that only the category of avertive employs materially identical language means (with minor variations) in all branches of Turkic. It is the specialized actional form "converb -A + verb *yaz-* / *žas-* / *čas-* / *d'asta-* / *žazda-*, etc." with the lexical semantics "err, fail, miss the target, lose one's way, sin, etc."

Keywords

proximative, prospective, future tense, Turkic languages, grammaticalization, linguistic area

For citation

Nevskaya I. A. Prospective and proximative: results and perspectives of their research in Turkic languages. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 158–172. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/11

Введение в проблематику

Среди редко встречающихся в языках мира грамматических лингвистических категорий, категории проспектива и проксиматива, несомненно, принадлежат к наиболее проблематичным. Они не имеют на данный момент всеми признанного определения в общей и типологической лингвистике¹ и встречаются далеко не во всех языках в виде категорий, имеющих грамматические средства выражения. Недаром немецкий типолог Ф. Планк включил их в список спорных категорий, которые заслуживают особого внимания лингвистов².

К этим категориям обычно относятся лингвистические средства, выражающие предварительную, пороговую, фазу действия, когда уже видны признаки приближения самого действия или одной из его фаз, и выражающие прототипическое значение *be going / about to do something* 'быть на грани совершения действия'. Они получили и иные терминологические обозначения в лингвистической типологии или в частных филологиях: *проспектив* (prospective) [Comrie, 1976; Плунгян, 2001; 2011; 2012]; *непосредственное / приближающееся / близкое / ближайшее будущее* (immediate / imminent future, near / nearest future, close future) [Bybee et al., 1994]; *проксиматив* (proximative) [Heine, 1994; Heine, Kuteva, 2002; Johanson, 2017].

¹ Мы впервые проанализировали данные термины в сравнительном аспекте в [Nevskaya, 2017].

² Из личной переписки с автором статьи в 2012 г.

В дальнейшем описании мы опираемся на наши собственные исследования и исследования коллег в области тюркских языков, в которых имеются широко представленные грамматические средства выражения семантики предварительной фазы действия.

Термин *проспектив* в лингвистической литературе

Термин *проспектив* используется по-разному в различных лингвистических традициях. В зарубежной русистике так определяется обращенное в будущее значение форм настоящего времени от глаголов совершенного вида [Metzler Lexikon Sprache, 2010], таких как *я уйду*. В русском языке это единственная форма, выражающая значение будущего времени у глаголов совершенного вида. Глаголы несовершенного вида имеют аналитическую форму будущего времени: *буду уходить*.

Отталкиваясь от этой точки зрения, Л. Йохансон противопоставляет проспектив как аспектуальную форму, реферирующую на действие до его совершения *интра терминальным* (обозначающим некое действие как находящееся в процессе протекания в момент референции), *ад терминальным* (обозначающим действие как свершившееся в момент референции) и *пост терминальным* (обозначающим в момент референции состояние, достигнутое после свершения действия) аспектуальным формам³ и определяет как проспективную турецкую форму на *-AcAk*, обычно описываемую как форму будущего времени в лингвистической литературе [Johanson, 1971; 1994; 2000]. Он пишет, что эта форма обозначает предсказываемое действие, которое *свершится / может свершиться / возможно, свершится / собирается свершиться / должно свершиться / ожидается, что свершится* и т. д. после момента референции; ее значение будущего действия осложнено различными модальными и аспектуальными компонентами. Он также утверждает, что в большинстве тюркских языков еще не сложилась собственно временная (*straight* 'прямая, однозначная, специализированная') форма будущего времени [Johanson, 1971; 2017].

В отличие от Л. Йохансона, Б. Комри использует термин *проспектив* по отношению к аналитическим формам английского языка с прототипической семантикой *be going / about to do something* 'собираться что-то делать / быть на грани совершения некоего действия', относящимся к такой ситуации, когда признаки приближающегося действия уже очевидны в момент референции [Comrie, 1976]; эту точку зрения принимает и В. А. Плунгян [2001; 2011; 2012].

Б. Комри считает, что эта категория симметрична перфекту: перфект передает свершившееся действие как еще релевантное для момента говорения, а проспектив обозначает действие, которое еще не свершилось, а только планируется или задумывается, как актуальное для момента говорения. Он выделяет 2 типа проспективных значений: 1) общее, которое не характеризует временной зазор до наступления действия – *the ship is going to sail* 'корабль собирается отплыть', и 2) значение непосредственного следования предполагаемого действия за моментом референции – *the ship is about to sail* 'корабль вот-вот отплывет'.

Б. Комри также обращает внимание на такое качество *проспектива*, как его сочетаемость с различными показателями времени: *The ship is going to sail* 'Корабль собирается отплыть', *The ship was going to sail* 'Корабль собирался от-

---

³ Такие формы часто совмещают аспектуальное и темпоральное значения в современных тюркских языках.

плыть’, *The ship will be going to sail* ‘Корабль будет собираться отплыть’; сравните алтайский пример (1). Это качество сближает английские формы, выделяемые Комри как перспективные, скорее с формами акционсарта и модальности, чем с аспектуально-темпорально-модальными формами, к которым близки перспективные формы в концепции Л. Йохансона.

- (1) алт. *Qazan emdi qayn-arya tur-d-i*⁴.
казан сейчас кипеть-INF AUX: стоять-PST-3
‘Казан (т. е. вода в казане) вот-вот закипит.’

Перспектив Б. Комри противопоставляет будущему времени. Он видит различие в них в их отношении к категории истинности. Если действие, которое предсказывалось формой будущего времени, не осуществится, то высказывание окажется ложным. Если ситуация, предсказываемая высказыванием *Bill will throw himself off the cliff* ‘Билл бросится с утёса’, не осуществится, то высказывание было ложным. Высказывание с формой перспектива обладает истинностью, даже если планируемая ситуация не наступит: *Bill is going to throw himself off the cliff* ‘Билл собирается броситься с утеса’ означает, что он действительно собирался броситься с утеса в момент референции.

Б. Комри различает категории перспектива и намерения. Он пишет, что истинный перспектив не обладает компонентом намерения, но не все языки обладают формами перспектива, отличными от форм намерения. Так, русская конструкция *собираться что-то сделать*, которую мы использовали в переводах выше, всегда имеет компонент намерения. Тестом на то, является ли та или иная форма формой перспектива или намерения, является возможность ее употребления с неодушевленным субъектом: только одушевленные субъекты обладают свободой воли и могут иметь намерения и желания. Русская конструкция с *собираться* звучит очень неестественно с неодушевленными субъектами: *Поезд собирается прибыть в 2 часа дня*. Более идиоматично было бы: *Поезд должен прибыть в 2 часа дня*.

Он также пишет о формах русского языка, которые выражают перспектив в определенных контекстах, хотя их основное значение далеко не перспектив. Английское предложение *There are going to be apples for pudding* наиболее адекватно переводится формой русского будущего времени *Будут яблоки на десерт* (сравните с неграмматическим предложением **Собираются быть яблоки на десерт*).

Б. Комри сформулировал свои представления о грамматическом перспективе как универсальной межъязыковой категории как гипотезу, а Остен Даль [Dahl, 1985, p. 111–112] первым показал, что такая категория присутствует как грамматическая категория со своими специализированными средствами выражения во многих языках разных систем. Он пишет, что форма *aller + инфинитив* во французском, *gaan + инфинитив* в языке африкаанс, сунданская конструкция с *bade* являются формами предварительной фазы действия.

Термины *непосредственное / приближающееся / близкое / ближайшее будущее и проксиматив*

Исследованию описываемых категорий в типологическом плане долгое время препятствовало то, что формы подготовительной фазы действия во многих лин-

⁴ Мы приводим примеры по статье [Nevskaya, 2005].

гвистических традициях получили различное наименование. Их также обозначают как *immediate / imminent future* – непосредственное / приближающееся будущее, *near / nearest future* – близкое / ближайшее будущее, *close future* или *proximative* – близкое будущее или проксиматив.

Одним из первых научных трудов, где рассматриваются такие формы в типологическом плане, является коллективная монография [Bybee et al., 1994, p. 271–273]. В ней исследованы 26 форм, которые имеют значение непосредственного будущего, и пути их грамматикализации; для 19 из них это оказалась их единственная функция. Непосредственное будущее является также единственной функцией 2 форм несовершенного и 2 форм совершенного вида⁵.

Согласно [Bybee et al., 1994], эти формы могут быть либо очень «юными» формами будущего времени (формами предсказания будущего события), или уже сложившимися формами иной категории, которая не делает никаких предсказаний о будущем, а передает состояние перед наступлением события.

На рубеже XX и XXI вв. категория приближающегося события изучалась наиболее интенсивно на материале языков Африки [König, 1993, p. 294–316] и в типологическом плане [Kuteva, 2001; Heine, Kuteva, 2002; Heine, 1994]. Т. Кутева описала подобные формы в ряде языков и пришла к выводу, что это не формы собственно времени, так как они сочетаются с показателями разных времен, а формы аспекта (точнее, акционсарта – *уточнение автора статьи*), который она назвала *проксимативом* [Kuteva, 2001, p. 92–99]. Она также ввела в научный оборот оппозицию проксиматива и авертива, который самой формой выражает значение того, что приближавшееся действие, признаки которого были видны в момент референции, не осуществилось [Kuteva, 1998]; см. (2).

- (2) алт. *Meni soġ-o d'asta-d-i-lar.* (Вербицкий, 1884, с. 85)⁶
я.АСС бить-CONV промахнуться-PST-3-PL
'Они чуть меня не побили.'

В *World Lexicon of Grammaticalization* [Heine, Kuteva, 2002, p. 317–337] обобщены исследования авторов по категории проксиматива и перечислены уже известные лексические источники грамматикализации проксимативных форм в языках разных семей и языковых типов (глаголы *приходить*, *любить*, *хотеть*, наречие *около*).

Л. Йохансон также использует термин *проксиматив* для категории, которая объединяет акционсартные формы, относящиеся к предварительной или подготовительной фазе возможного последующего действия, которое воспринимается как предстоящее, приближающееся или находящееся на грани совершения ("Proximatives refer to a pre-phase, a phase preliminary or preparatory to a possible subsequent event, conceived of as imminent, impending, i.e. as being "about to occur" [Johanson,

⁵ Сравните будущее значение форм настоящего времени совершенного вида в русском языке: *он сделает*, а также общетюркскую форму аориста на *-Ar* с имперфективным аспектуальным значением и значением неактуального настоящего времени в тюркских же языках Сибири, где она стала формой будущего времени: шор. *nar-ar* (идти-AOR) – 'идёт – ходит всегда – ходил всегда – пойдёт'.

⁶ Этот пример взят из *Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка*, составленного В. Вербицким (Казань: Изд. Православного миссионерского общества, 1884). В современном алтайском языке лексический глагол в этой конструкции употребляется не в форме деепричастия, а в форме инфинитива на *-(A)paA*, что показывает расширение функций алтайского инфинитива по образцу русского.

2017]). Характерно для форм проксиматива то, что они могут сочетаться с любыми аспектуально-временными формами.

Отличие форм проксиматива как от уже сложившихся форм будущего времени (собственно будущего времени), так и от еще не совсем сложившегося будущего времени (т. е. от проспектива, по терминологии Йохансона), в том, что они имеют в качестве своего референта состояние дел, которое совпадает по времени с референционным моментом: *Чайник находится в состоянии, непосредственно предшествующем закипанию воды* означает, что это состояние в данный момент уже присутствует.

По нашему мнению, внутренняя форма термина *проксиматив* (из лат. *proximus* 'самый близкий' в исходном пространственном и различных переносных значениях) по своей этимологической семантике ближе тому содержанию, которое вкладывается в эту категорию типологами, т. е. фазе приближения действия, совпадающей с референционным моментом.

Мне представляется более предпочтительным применять термин *проспектив* для форм, которые реферируют на само предстоящее событие, но еще не являются сформировавшимися специализированными формами собственно будущего времени, а совмещают референцию в будущее с различными аспектуальными и модальными значениями⁷. Как показывает тюркский материал, такой проспектив может быть промежуточной стадией грамматикализации форм будущего времени из акциональных проксимативных: турецкая форма на *-AcAk* еще сохраняет проксимативные употребления, хотя развивается в направлении становления как форма будущего времени; аналогично ногайская форма на *-(A)уAK* считается модальной проспективной, но выражает проксиматив в определенных конструкциях [Karakoç, 2017].

В дальнейшем изложении мы концентрируем наше внимание на категории проксиматива. Тюркские языки, как показали наши исследования и исследования коллег-тюркологов, являются ярким примером проксимативных языков.

Исследования по категории проксиматива в тюркских языках⁸

Статья [Nevskaya, 2005] впервые в тюркологии ввела в научный оборот грамматическую категорию приближающегося действия. Однако близкая тематика на материале тюркских языков описывалась в статье М. И. Черемисиной и И. А. Невской [Seremisina, Nevskaya, 2000], в которой были представлены многочисленные аналитические формы тюркских языков Южной Сибири, состоящие из бытийных вспомогательных глаголов и инфинитива лексического глагола, определявшиеся как формы намерения. Уже тогда было ясно, что значение намерения покрывает только случаи их употребления с одушевленным субъектом, но нужного термина для них в то время не нашлось. В 2001 г. результаты моего предварительного ана-

---

⁷ Таких финитных или причастных форм в тюркских языках большое количество, определение их категориальной принадлежности часто представляет большие трудности (например: общетюркская форма на *-Ap*, шор. *-ГалАК*, *-чАң*, алт. причастие на *-й / АтАн* и др.).

⁸ В данной статье мы не ставим перед собой задачи дать исчерпывающий список всех исследований последних лет в этой области. То, что здесь больше внимания обращается на публикации в иностранных изданиях, объясняется в том числе тем, что они менее знакомы российскому читателю.

лиза типологии проксиматива⁹ в тюркских языках были представлены в докладе на типологической конференции во Франкфуртском университете; этот доклад вошел в сборник той конференции [Nevskaya, 2005]. Позже во вводной части другой моей статьи был дан краткий обзор данной категории в тюркских языках [Невская, 2011]. Наш анализ показал, что в каждом конкретном тюркском языке имеется собственная система проксимативных форм. Мы дали в этих работах первичное описание типологии этой категории в тюркских языках, выделили ряд проксимативных форм и пути их формирования.

В 2012 г. совместно с коллегами из Германии, Казахстана, Турции и Китая нами был организован рабочий стол по проксимативу в тюркских языках в рамках Международной конференции по турецкой лингвистике, на котором были представлены описания категории проксиматива в древнетюркском, османском, турецком, казахском, джунгарском тувинском и новоуйгурском языках [Nevskaya, 2015; Erdal, 2017; Tazhibayeva, Nevskaya, 2015; Menz, 2015; Rind-Pawłowski, 2017b; Memtimin, 2015].

В 2013 г. мы совместно с Агнес Корн организовали международный симпозиум во Франкфуртском университете по категории проксиматива и смежным с ним категориям, в первую очередь проспектива и будущего времени. Его материалы были опубликованы в виде коллективной монографии [Korn, Nevskaya, 2017].

В этом научном труде помимо тюркских языков представлены угорские, уральские, славянские, иранские, семитские и алтайские языки, а также ряд тюркских языков разных ветвей: огузские (азербайджанский в Республике Азербайджан [Rind-Pawłowski, 2017a] и в Иране [Rafiei, 2017]), кыпчакские (ногайский [Karakoç, 2017], казахский и киргизский [Nevskaya, Tazhibayeva, 2017], караимский [Csató, 2017]), карлукские (уйгурский и узбекский [Memtimin, 2017]), сибирские (тувинский [Bayur-ool, Shamina, 2017], джунгарский тувинский [Rind-Pawłowski, 2017b], алтайский и его диалекты [Ozonova et al., 2017]). М. Эрдал описал формы проксиматива в древнетюркском языке [Erdal, 2017], а А. Менц – в староосманском и современном турецком [Menz, 2017]. Для большинства языков это было первое описание данных категорий, которое послужило толчком к их дальнейшему исследованию.

Объем данной статьи не позволяет проанализировать все те результаты, которые были достигнуты в последнее десятилетие в области изучения категорий проксиматива в языках разных систем¹⁰. Мы остановимся только на некоторых аспектах тюркского проксиматива.

Некоторые результаты: тюркский проксиматив как акционсарт и как аспектуально-временная категория

Мы различаем две проксимативные категории, выражающие предварительную фазу действия, – формы акционального и аспектуального проксиматива, подобно тому, как мы различаем категорию акционсарта *перфектив* и категорию аспекта (или аспекта-времени) *перфект*.

Акциональной фазовой категории, представляющей действие как способное достичь своего естественного предела, т. е. категории перфектива, должна соответствовать акциональная категория предварительной фазы предстоящего действия, т. е. акционального проксиматива, как форма расширенной лексической

---

⁹ В то время мы использовали термин *проспектив* вслед за Б. Комри, описывая данную категорию, как и в ряде других ранних публикаций.

¹⁰ Более подробный анализ см. в [Nevskaya, 2017].

основы, требующая актуализации путем присоединения к ней показателей функциональных форм глагола. Аспектуальной (или аспектуально-временной, финитной) категории перфекта, реферирующего на состояние после свершения действия, – аспектуальная (или аспектуально-временная) финитная категория проксиматива, сама реферирующая на фазу приближения действия (ср. формы непосредственного будущего, по терминологии Дж. Байби). Наша позиция поддерживается данными тюркских языков, которые имеют тенденции развития финитных форм непосредственного будущего из акциональных проксимативных форм.

Формы акционального проксиматива сочетаются с граммемами различных времен. Они чаще всего генетически связаны с формами желания и намерения. Проксиматив у них развивается путем расширения сочетаемости их субъектов – от возможности их использования только с одушевленными субъектами до их использования и с неодушевленными субъектами, см. (3), где мы определяем конструкцию «инфинитив основного глагола + вспомогательный глагол *tur-*», к которому присоединяются показатели прошедшего времени и личные показатели, как акциональную проксимативную в хакасском языке. Говорящий произнес это высказывание в той ситуации, когда он уже видел признаки приближающегося мороза: на небе ни облачка, дует северный ветер, в воздухе уже стоит запах мороза, но мороз еще не настал.

- (3) хак. *Soox-tar pol-arya tur-d-ï.*
 мороз-PL быть-INF AUX: стоять -PST-3SG
 ‘Мороз вот-вот должен был нагреть.’

Этот хакасский пример иллюстрирует аналитическую конструкцию, в которой полнозначный глагол принимает форму инфинитива. В качестве грамматического ядра таких конструкций могут выступать глаголы желания, намерения, умственной деятельности, движения, а также глаголы положения в пространстве и собственно экзистенциальный глагол *пол- / бол-*. Такие конструкции часто определяются как интенциональные, но способные выражать и значение проксиматива, в основном с неодушевленным субъектом. С одушевленным субъектом необходимо исключить компонент желания субъекта действия его совершать, т. е. нужны ситуации неконтролируемого, спонтанного действия (*я вот-вот заболею / упаду*) либо просто ситуации, когда субъект готовится совершить действие против своей воли.

Учитывая, что сочетаемость с неодушевленным субъектом у этих конструкций и, соответственно, неоспоримое проксимативное значение равиваются позже, мы рассматриваем эти два значения как различные степени их грамматикализации.

Такие акциональные аналитические формы могут синтезироваться и переходить в другую категорию: происходит их фонетическая редукция, морфологическая редукция (выпадение показателей аспекта-времени), их переосмысление (инфинитивный показатель совместно со вспомогательным глаголом сам становится показателем аспекта-времени – проксиматива). В результате образуется проксиматив как аспектуально-временной показатель, см. (4), где представлена шорская форма *-(A)rGAča*, (из *-(A)rGA + čat-*).

- (4) шор. *Par-argača-m.*
 идти-PROX-1SG
 ‘Я вот-вот уйду.’

Аналогичные конструкции в алтайском с *d'at-*, хакасском с *tur-* и *çör-* имеют сходные тенденции развития.

Дальнейшими наиболее распространенными источниками образования проксимативных форм в тюркских языках, как было установлено в [Nevskaya, 2005], являются инфинитивные конструкции с пространственными послелогом в качестве их грамматического ядра (5), а также грамматикализованные конструкции прямой или косвенной речи (6).

(5) тур. *Git-mek üzere-yim.*
идти-INF над-1SG
'Я вот-вот уйду. (досл.: Я – над уходом)'

(6) кирг. *Taş qula-yiñ de-p tur-at.*
камень падать-VOL1SG сказать-CONV AUX: стоять-PRS
'Камень вот-вот упадет. (досл.: Камень говорит: «Я упаду!»)'
[Nevskaya, Tazhibayeva, 2017]

Предварительные обобщения результатов исследований тюркского проксиматива и дальнейшие перспективы

Суммируя в очень обобщенном виде то, что уже удалось сделать для тюркских языков, хотелось бы выделить следующие моменты.

Все тюркские языки, материал которых был исследован, имеют многочисленные лингвистические средства выражения категорий проксиматива и проспектива на разных уровнях языка. Наличие грамматикализованных форм акционального проксиматива во всех этих языках, а во многих и аспектуально-временного проксиматива, позволяет сделать вывод о том, что тюркские языки являются ярко выраженными «проксимативными языками».

Примечательно, что тюркские языки стали донорами проксимативных форм для контактных языков в истории языков и в современный период. Но и они сами заимствуют такие формы из контактных языков (например: азербайджанский из иранских, тувинский из монгольского).

В письменных источниках по древним тюркским языкам мы находим многочисленные формы проксиматива – как акциональных, так и аспектуально-временных (например, древнеуйгурская форма приближающегося будущего на *-gAlIr*), т. е. эта категория присуща тюркским языкам с глубокой древности. Многие современные тюркские языки используют древнетюркские структурные типы проксимативных конструкций и форм.

Источники грамматикализации проксимативных форм современных тюркских языков разнообразны и в основном не представлены в *World Lexicon of Grammaticalization* [Heine, Kuteva, 2002]. Далее мы комментируем некоторые из них и проводим ареальные изоглоссы их распространения в тюркских языках.

- Все тюркские языки используют формы и конструкции, которые обычно считаются конструкциями намерения, для передачи проксимативной семантики, в основном с неодушевленным субъектом или если действие одушевленного субъекта является неконтролируемым. Для остальных контекстов нелегко различить проксимативное и интенциональное прочтение таких форм. При одушевленном субъекте, да еще и под воздействием традиции их описания, перенятой от непроксимативного русского языка, они «по инерции» оцениваются как интенциональные. Иногда контекстные маркеры прагматической релевантности дейст-

вия или состояния для момента референции помогают лучше оценить их истинное значение¹¹. Такие контекстные маркеры, как частицы *вот*, *вот-вот*, *чуть не* и т. п., плохо сочетаются с интенциональными контекстами; сравните *Она вот-вот думает / намеревается уйти* и *Она вот-вот уйдет*. Нам представляется, что такие формы, допускающие неодушевленный субъект, следует считать специализированными проксимативными средствами.

- Огузские тюркские языки – единственная ветвь тюркских языков, которая не использует проксимативных форм с инфинитивом или целевым деепричастием лексического глагола в сочетании со вспомогательными бытийными глаголами или глаголами положения в пространстве. В огузских языках мы также не встретили проксимативных форм, основанных на глаголе цитирования *de-* и волитивных формах лексического глагола, широко распространенные в кыпчакских, карлукских и южносибирских тюркских языках.

- Только огузские тюркские языки используют проксимативную конструкцию с послелогом *üzere* ‘на, над’ и инфинитивом лексического глагола. Однако конструкции с другими пространственными послелогам или грамматикализованными именами и инфинитивом лексического глагола существуют во всех ветвях тюркских языков: с именем лексической семантики ‘впереди’ в уйгурском, узбекском и казахском Китая, с именем ‘сторона’ в алтайском и т. д.

- Оба варианта азербайджанского языка имеют сильную конвергенцию в сфере проксимативных языковых средств с персидским и другими иранскими языками Кавказа, а также с арамейским. Необходимо ставить вопрос о наличии на Кавказе лингвистического ареала.

- Кыпчакские тюркские языки Центральной Азии имеют целый пучок изоглосс с карлукскими в сфере проксимативной морфологии, так что, возможно, стоит говорить о центрально-азиатском лингвистическом ареале, который отражает сегодня тот лингвистический континуум, который сложился в Центральной Азии еще до формирования современных национальных государств. Некоторые изоглоссы разделяет и джунгарский тувинский благодаря его современным контактам с тюркскими языками этого ареала.

- Южносибирские тюркские языки представляют собой гетерогенную группу тюркских языков. В области проксимативной морфологии мы наблюдаем значительно большую близость северо-алтайских идиом к шорскому и хакасскому, чем к южно-алтайским идиомам. Интересно, что северо-тунгусский эвенский язык обладает проксимативными конструкциями, очень близкими к шорским и хакасским. Возникает вопрос, не было ли в прошлом между ними более тесных контактов и не относится ли он тоже к лингвистическому обско-угорскому ареалу.

- Южно-алтайские идиомы, в свою очередь, показывают определенную близость к тувинскому в ряде проксимативных изоглосс, а в ряде других – к кыпчакскому киргизскому.

- Тувинский язык характеризуется многочисленными монгольскими заимствованиями в сфере проксиматива.

- Интересно, что только категория авертива во всех рассмотренных тюркских языках использует материально идентичную аналитическую (или уже синтезировавшуюся) форму из всех форм, близких к категории проксиматива: это специализированная акциональная форма «деепричастие -A + глагол *yaz-* / *žas-* / *čas-* /

---

¹¹ Сравните с русскими и хантыйскими лексическими средствами, используемыми для выражения семантики проксимативности [Koshkareva, 2017].

d'asta- / *žazda-* и т. д.» с лексической семантикой 'ошибаться, промахнуться, потеряться, грешить и т. п.'

Более подробное изучение тюркских проксимативных форм как с точки зрения инвентаря их форм, путей их грамматикализации и семантики, так и с типологической, исторической и ареальной точек зрения при привлечении проксимативного материала тюркских языков, где эта категория еще не описывалась, представляется нам очень многообещающей задачей для третьего десятилетия XXI в.

Список литературы

Невская И. А. Категория проспектива и некоторые перспективные формы в чалканском языке // Историко-культурное наследие Хакасии: Материалы Международ. науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения Я. И. Сунчугашева / Под ред. И. Кидиековой. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2011. С. 181–189.

Плунгян, 2001 – Исследования по теории грамматики / Отв. ред. В. А. Плунгян. М.: USSR, 2001. Вып. 1: Глагольные категории. 312 с.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учеб. пособие. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

Плунгян, 2012 – Acta Linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований РАН. СПб.: Наука, 2012. Т. 8, вып. 2: Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий (отв. ред. В. А. Плунгян). 1024 с.

Bayur-ool A., Shamina L. Means of expressing prospective semantics in the Tuvan language // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 333–344.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar. Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Čeremisina M., Nevskaya I. 'I stood to lie down' and 'I sat down to leave': analytical modal infinitive constructions in South Siberian Turkic languages // Turkic Languages. 2000. Vol. 4/2. P. 77–113.

Comrie B. Aspect. New York: Cambridge University Press, 1976.

Csató É. The non-modal prospective aorist in Karaim // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 211–218.

Dahl Ö. Tense and Aspect Systems. London, New York: Basil Blackwell, 1985.

Erdal M. Posterior proximative aspect and actionality in Old Turkic // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 51–56.

Heine B. On the Genesis of Aspect in African Languages: The Proximative // Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: Special Session on Historical Issues in African Linguistics. Berkeley, 1994. Iss. 20. P. 35–46.

Heine B., Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Johanson L. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems [Studia Turcica Upsaliensia 1]. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1971.

Johanson L. Türkeitürkische Aspektotempora // Thieroff R., Ballweg J. (eds.). Tense systems in European languages. Tübingen: Niemeyer, 1994. P. 247–266.

Johanson L. Viewpoint operators in European languages // Dahl Ö. (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 27–187.

- Johanson L.* Prospectives and proximatives // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 29–34.
- Karakoç B.* Prospectives, proximatives and avertives in Noghay // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 57–76.
- König Ch.* Aspect in Maa. Afrikanistische Monographien 3. Institut für Afrikanistik. Universität zu Köln, 1993.
- Korn A., Nevskaya I.* (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017.
- Koshkareva N.* The expression of prospectivity in Khanty and Russian // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 95–112.
- Kuteva T.* Auxiliation: An Enquiry into the Nature of Grammaticalization. Oxford University Press, 2001.
- Kuteva T.* On identifying an evasive gram: action narrowly averted // Studies in Language. 1998. Vol. 22 (1). P. 113–160.
- Mentimin A.* The Prospective in Modern Uyghur // Zeyrek D., Sağın Şimşek Ç., Ataş U., Rehbein J. (eds). Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics (Turcologica 103). Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. P. 637–647.
- Mentimin A.* The Proximative in Modern Uyghur and Uzbek // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 357–366.
- Menz A.* Expressions for prospective and avertive in Turkish and Gagauz // Zeyrek D., Sağın Şimşek Ç., Ataş U., Rehbein J. (eds). Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics (Turcologica 103). Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. P. 658–667.
- Menz A.* Prospective and Proximative in Ottoman and Modern Turkish // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 219–230.
- Metzler Lexikon Sprache. Stuttgart, Weimar: Metzler, 2010.
- Nevskaya I., Tazhibayeva S.* The category of Proximative in North-Western Turkic: Kazakh and Kirgiz in a comparative perspective // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 345–356.
- Nevskaya I.* The Typology of prospective in Turkic languages // Gippert J., Erdal M., Vossen R. (eds). Sprachtypologie und Universalienforschung. Focus on: sentence types and sentence structures, 2005. Vol. 58/1. P. 111–123.
- Nevskaya I.* Prospective in Turkic languages // Zeyrek D., Sağın Şimşek Ç., Ataş U., Rehbein J. (eds). Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics (Turcologica 103). Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. P. 630–637.
- Nevskaya I.* Introduction // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 13–28.
- Ozonova A., Tazranova A., Tybykova L., Sarbasheva S.* The expression of prospective semantics in the Altay language and its dialects // Korn A., Nevskaya I. (eds). Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 307–314.

Rafiei A. Prospectivity in Persian and Azeri Turkish (Iran) // Korn A., Nevskaya I. (eds). *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017. P. 251–258.

Rind-Pawłowski M. Future-related verbforms in Northern Azeri // Korn A., Nevskaya I. (eds). *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017a. P. 231–250.

Rind-Pawłowski M. Future reference forms in Dzungar Tuvan // Korn A., Nevskaya I. (eds). *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017b. P. 315–332.

Tazhibayeva S., Nevskaya I. The Category of Prospective in Modern Kazakh // Zeyrek D., Sağın Şimşek Ç., Ataç U., Rehbein J. (eds). *Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics (Turcologica 103)*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. P. 658–667.

Список сокращений

алт. – алтайский язык
кирг. – киргизский язык
тур. – турецкий язык
хак. – хакасский язык
шор. – шорский язык

References

Acta Linguistica Petropolitana. Tr. In-ta lingvisticeskikh issledovaniy RAN. T. 8, vyp. 2: Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 6: Tipologiya aspektual'nykh sistem i kategoriy [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies of the RAS. Vol. 8, iss. 2: Studies on the theory of grammar, iss. 6: Typology of aspectual systems and categories]. V. A. Plungyan (Ed. in Ch.). St. Petersburg, Nauka, 2012, 1024 p.

Bayyr-ool A., Shamina L. Means of expressing prospective semantics in the Tuvan language. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 333–344.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The Evolution of Grammar. Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago, University of Chicago Press, 1994.

Čeremisina M., Nevskaja I. 'I stood to lie down' and 'I sat down to leave': analytical modal infinitive constructions in South Siberian Turkic languages. *Turkic Languages*. 2000, vol. 4/2, pp. 77–113.

Comrie B. *Aspect*. New York, Cambridge University Press, 1976.

Csató É. The non-modal prospective aorist in Karaim. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 211–218.

Dahl Ö. *Tense and Aspect Systems*. London, New York, Basil Blackwell, 1985.

Erdal M. Posterior proximative aspect and actionality in Old Turkic. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 51–56.

Heine B., Kuteva T. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002.

Heine B. On the Genesis of Aspect in African Languages: The Proximative. In: *Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: Special Session on Historical Issues in African Linguistics*. Berkeley, iss. 20, 1994, pp. 35–46.

Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 1: Glagol'nye kategorii [Studies on the Theory of Grammar. Iss. 1: Verb categories]. V. A. Plungyan (Ed.). Moscow, USSR, 2001, 312 p.

Johanson L. *Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems*. Studia Turcica Upsaliensia 1. Uppsala, Almqvist & Wiksell, 1971.

Johanson L. Türkeitürkische Aspektotempora. In: *Tense systems in European languages*. R. Thieroff, J. Ballweg (Eds). Tübingen, Niemeyer, 1994, pp. 247–266.

Johanson L. Viewpoint operators in European languages. In: *Tense and aspect in the languages of Europe*. Ö. Dahl (Ed.). Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2000, pp. 27–187.

Johanson L. Prospectives and proximatives. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 29–34.

Karakoç B. Prospectives, proximatives and avertives in Noghay. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 57–76.

König Ch. *Aspect in Maa. Afrikanistische Monographien 3*. Institut für Afrikanistik. Universität zu Köln, 1993.

Koshkareva N. The expression of prospectivity in Khanty and Russian. *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 95–112.

Kuteva T. *Auxiliation: An Enquiry into the Nature of Grammaticalization*. Oxford University Press, 2001.

Kuteva T. On identifying an evasive gram: action narrowly averted. *Studies in Language*. 1998, vol. 22(1), pp. 113–160.

Memtimin A. The Prospective in Modern Uyghur. In: *Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics*. Turcologica 103. D. Zeyrek, Ç. Sağın Şimşek, U. Ataş, J. Rehbein (Eds). Wiesbaden, Harrassowitz, 2015, pp. 637–647.

Memtimin A. The Proximative in Modern Uyghur and Uzbek. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 357–366.

Menz A. Expressions for prospective and avertive in Turkish and Gagauz. In: *Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics*. Turcologica 103. D. Zeyrek, Ç. Sağın Şimşek, U. Ataş, J. Rehbein (Eds). Wiesbaden, Harrassowitz, 2015, pp. 658–667.

Menz A. Prospective and Proximative in Ottoman and Modern. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 219–230.

Metzler Lexikon Sprache. Stuttgart, Weimar, Metzler, 2010.

Nevskaya I. A. Kategoriya prospektiva i nekotorye prospektivnye formy v chalkanskomazyke [Prospective category and some prospective forms in Chalkan language]. In: *Istoriko-kul'turnoe nasledie Khakasii: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 85-letiyu so dnya rozhdeniya Ya. I. Sunchugasheva* [Historical and Cultural Heritage of Khakassia: Materials of the International Scientific Conf. devoted to the 85th anniversary of the birth of Ya. I. Sunchugashev]. I. Kidieikova (Ed.). Abakan, KhSU Publ., 2011, pp. 181–189.

Nevskaya I. Introduction. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 13–28.

Nevskaya I. Prospective in Turkic languages. In: *Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics*. Turcologica 103. D. Zeyrek, Ç. Sağın Şimşek, U. Ataç, J. Rehbein (Eds). Wiesbaden, Harrassowitz, 2015, pp. 630–637.

Nevskaya I., Tazhibayeva S. The category of Proximative in North-Western Turkic: Kazakh and Kirgiz in a comparative perspective. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 345–356.

Nevskaya I. The Typology of prospective in Turkic languages. In: *Sprachtypologie und Universalienforschung. Focus on: sentence types and sentence structures*. J. Gippert, M. Erdal, R. Vossen (Eds). 2005, vol. 58/1, pp. 111–123.

Ozonova A., Tazranova A., Tybykova L., Sarbasheva S. The expression of prospective semantics in the Altay language and its dialects. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 307–314.

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira: Ucheb. Posobie* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of world languages: A manual]. Moscow, RSUH, 2011, 672 p.

Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017.

Rafiei A. Prospectivity in Persian and Azeri Turkish (Iran). In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017, pp. 251–258.

Rind-Pawlowski M. Future-related verbforms in Northern Azeri In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017a, pp. 231–250.

Rind-Pawlowski M. Future reference forms in Dzungar Tuvan. In: *Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond*. A. Korn, I. Nevskaya (Eds). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2017b, pp. 315–332.

Tazhibayeva S., Nevskaya I. The Category of Prospective in Modern Kazakh. In: *Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics*. Turcologica 103. D. Zeyrek, Ç. Sağın Şimşek, U. Ataç, J. Rehbein (Eds). Wiesbaden, Harrassowitz, 2015, pp. 658–667.

Сведения об авторе

Невская Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

nevskayairina60@gmail.com

Information about the author

Irina A. Nevskaya – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher at the Siberian Language Sector, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

nevskayairina60@gmail.com